

Олег Паченков

**К СЕКСУАЛЬНОСТИ — ЧЕРЕЗ ИНТЕРВЬЮ:
ЭТНОМЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД**

Данная статья посвящена анализу взаимодействия информанта и интервьюера в ходе интервью о сексуальности. Предметом анализа являются ситуации, в которых участники интервью испытывают затруднения, либо прибегают к использованию намеков, отсылок к подразумеваемому общему знанию. Исследование таких речевых ситуаций позволяет проанализировать культурный контекст как условие осуществления успешного взаимодействия и понимания собеседниками друг друга.

В первой части статьи я обращаюсь к анализу причин возникновения подобных ситуаций: трудности вербализации некоторых сторон сексуального опыта рассматриваются в связи с особенностями социализации и сексуальных сценариев участников интервью. Проведенный анализ интервью позволил выделить, во-первых, характерные технические приемы, используемые информантами для избегания обсуждения проблематичных аспектов сексуального опыта; во-вторых, сами проблематичные темы, различающиеся для представителей разных поколений и информантов с разной гендерной идентичностью.

Во второй части статьи я показываю, что детальное изучение интервью как интеракции, внимание к действиям обоих участников интервью и особенностям самого взаимодействия помогает обнаружить неэксплицированные «обыденные» свойства взаимодействия собеседников. Это в особенности касается таких сложных для вербализации тем, как сексуальность. При анализе текстов, посвященных такого рода «сложным» темам, вдвойне эвристичным оказывается этнометодологический подход. Во-первых, он позволяет анализировать не только содержание сказанного, но также об-

ращать внимание на несказанное и на особенности того, как говорят собеседники. Во-вторых, он заставляет проблематизировать избегание информантами некоторых обсуждаемых тем, «принятие на веру» тех или иных высказанных собеседниками положений.

Итогом такого анализа является выявление особенностей отношения к сексуальности, характерных для изучаемой культуры¹.

Введение

Цель данной статьи — привлечь внимание к методологическим проблемам, возникающим при использовании метода интервью в исследованиях сексуальности. Я собираюсь описать некоторые особенности интервьюирования, которые проявляются при интерпретации данных, полученных этим методом. Обсуждаемые проблемы почерпнуты из конкретного эмпирического материала.

Стимулом к написанию статьи послужило мое участие в качестве интервьюера в биографических интервью с мужчинами по теме «Ваша сексуальная биография»². При анализе взятых интервью я обратил внимание на те коммуникативные ситуации, которые строились на основе неартикулированных, но подразумеваемых допущений. Такие «проблематичные» ситуации проявляются в целом наборе «погрешностей» интервью: в заминках, умолчаниях, намеках, отсылках к тому, что, по мнению одного из собеседников, «само собой разумеется», в использовании эвфемизмов, в недомолвках, выразительных паузах, фразах, отсылающих к общему невербализированному знанию, например: «ну, вы же понимаете» и т. п. Иногда подобные презумпции (подразумевания) и намеки видны лишь в постановке вопроса или в интонациях. Роль таких речевых оборотов (речевых ходов) в интервью, причины их появления в связи с темой интервью являются предметом данного исследования.

Статья состоит из двух частей. В первой части анализируются коммуникативные проблемы, возникающие в ходе интервью о сексуальной жизни, их причины и возможные решения. Рассматри-

¹ Вслед за Гирцем я полагаю, что «...культура не есть сила, которой могут быть произвольно приписаны явления общественной жизни, поведение индивидов, институты и процессы; она — контекст, внутри которого они могут быть адекватно, т. е. “насыщенно”, описаны» (Гирц 1997: 182–183).

² Интервью проводились в рамках проекта «Социальные изменения и культурная инерция в России», см.: «Российская трансформация и сексуальная жизнь (вместо введения)».

ваются сценарии и особенности публичной вербализации сексуальной биографии. Вторая часть статьи посвящена особенностям анализа текстов интервью и той информации, которую может извлечь интерпретатор текстов из проблем, с которыми сталкивается интервьюер.

Методология анализа интервью

Интервью и теория «языковых игр». Почему мы сочли возможным описывать сексуальность, основываясь на ее вербализации в интервью? Один из возможных вариантов ответа на этот вопрос связан с понятием «языковой игры» Людвиг Витгенштейна.

Одна из ключевых идей, предложенных Л. Витгенштейном, состоит в том, что изучение языка в отрыве от его практического применения — бессмысленно. Л. Витгенштейн полагал, что существует неразрывная связка «язык—действие». Эта связь, которую философ называл «языковой игрой», подразумевает существование «единого целого: языка и действия, с которыми он переплетен» (Витгенштейн 1994: 83). Такой подход позволяет рассматривать эту связь в двух аспектах: язык — действие или действие — язык, но с учетом их тесной связи. Таким образом, у исследователя есть все основания изучать социальные действия, социальные отношения и контекст с помощью использования языка, «языковых игр». Данное исследование не только основывается на прагматической философии Л. Витгенштейна, в нем предпринята попытка анализа ходов в «языковой игре» под названием «Сексуальность». Ситуация интервью — одна из многих, в которых можно играть в эту игру (можно ведь играть в шахматы в клубе, на чемпионате мира, в сквере, в поезде, даже по компьютерной сети). Участниками игры являются информант и интервьюер, оба они владеют правилами этой игры, т. е. умениями, навыками, необходимыми для того, чтобы в нее играть. Поэтому, если целью исследования является описание «языковой игры» «Сексуальность», у нас есть все основания для того, чтобы: а) сделать объектом анализа «ходы» обоих участников, б) на основании анализа вербализации сексуальности сделать выводы о действиях, с которыми связано словоупотребление и к которым оно отсылает.

Подход, связывающий язык с действием, признан в настоящее время многими социологическими школами. Он, в частности, лег в основу этнометодологии, методы которой используются в данном исследовании.

Принципы этнометодологии и анализ интервью. Данное исследование является этнометодологическим. Это означает, что его цель — выяснение и экспликация механизмов конструирования изучаемой социальной реальности, «открытие формальных свойств будничных, практических, основанных на здравом смысле действий» (Garfinkel 1967: VII-VIII). Основное отличие этнометодолога от «обыденного социолога» состоит в том, что этнометодолог делает обыденное знание не «ресурсом для производства результатов», а темой исследования (Silverman 1985: 165). Метод проведения этнометодологических исследований связан с проблематизацией повседневности, анализом повседневных действий людей. С позиции этого подхода анализировались и интервью о сексуальной жизни.

Для традиции, в рамках которой написана данная работа, интервью представляется разновидностью ситуации взаимодействия, в которой *не просто описывается опыт информанта, но воспроизводится общая для интервьюера и информанта жизненная рутина.* Этнометодологический анализ исходит из того, что коммуникация информанта и интервьюера становится возможной благодаря референции к общему для участников интервью социокультурному контексту в целом и к некоторым его фрагментам в особенности. Для ситуации интервью о сексуальной биографии наиболее важной оказывается апелляция к той части социокультурного контекста, которую принято называть «сферой сексуальности». Как любое повседневное взаимодействие, интервью представляет собой «процесс описания» (doing description) культурного контекста и повседневности участников разговора, укорененной в этом контексте.

Этнометодологический анализ интервью представлен в работах Аарона Сикурела, Каролин Бэйкер, Дэвида Д. Силвермена и др. Согласно их точке зрения, данные интервью, как и любые другие, «должны интерпретироваться на фоне контекста, в котором они были произведены» (Hammersley and Atkinson 1983: 126, Quot.: Silverman 1993: 94). А. Сикурел предлагал рассматривать интервью как ситуацию взаимодействия. Для успешного осуществления этого взаимодействия его участники вынуждены пользоваться рецептами, типизациями, правилами презентации себя и восприятия другого, основанными на обыденном знании и здравом смысле (Cicourel 1964: 100, Quot.: Silverman 1993: 98). С этой точки зрения интервью может рассматриваться как «активное конструирование его участниками определенной версии мира, спо-

собной объяснить, что является очевидным для собеседника, и дать понимание контекста вопросов и ответов» (Silverman 1993: 90). Выяснению культурного контекста интервью о сексуальной жизни и посвящена данная статья.

Вслед за этнометодологами я обращаюсь для анализа текстов интервью к некоторым приемам, традиционно применяемым при *анализе разговоров* (conversational analysis), а именно — к категориям и приемам, разработанного Х. Саксом аппарата «анализа категоризаций» (Membership Categorization Device) (Sacs 1974, Quot.: Silverman 1985: 134) и понятию «контекст».

Придерживаясь этнометодологической традиции, Х. Сакс рассматривает разговор как вид взаимодействия. Цель исследователя, изучающего разговор, заключается в анализе не только того, что обсуждается, но и того, *как* это происходит, и того, что делает разговор понятным собеседникам. Взаимодействие беседующих между собой людей рассматривается как «процесс описания» повседневности и культурного контекста, в котором они находятся. Разговаривая, люди обращаются к общей понятийной рамке, которую можно реконструировать, если внимательно прочесть и проанализировать разговор. Эта рамка состоит из совокупности категорий, смысловым образом связанных друг с другом. Задача исследователя — расшифровать тот категориальный каркас, который делает разговорное взаимодействие возможным, а разговор — понятным обоим собеседникам.

«Социальная жизнь, в отличие от иностранных фильмов, не сопровождается субтитрами», — замечает Д. Силвермен, поэтому люди вынуждены сами понимать и оценивать происходящее. Нормы, используемые людьми для упорядочивания окружающего мира, для придания смысла своим собственным действиям и происходящему вокруг, становятся предметом анализа повседневных взаимодействий (Silverman 1985: 136).

При анализе интервью о сексуальности мною была использована методика анализа разговорного взаимодействия, разработанная Х. Саксом и адаптированная Д. Силверменом. Сексуальность — это тема, которая представляет большие сложности для вербализации. Рассказывая об интимной жизни, люди активно используют механизмы «экономии языка» (термин Г. Гарфинкеля), неявные отсылки к неким родовым понятиям и к неким само собой разумеющимся предикатам сексуальной активности. В ходе интервью, посвященного интимной жизни и проведенного в диа-

логовом режиме, производится описание сексуальной культуры, к которой принадлежат информант и интервьюер.

Воспроизводство сексуальной культуры удобно концептуализировать с позиций сценарного подхода, разработанного американскими социологами Дж. Ганьоном и У. Саймоном (Gagnon and Simon 1973).

«Сценарный подход» к анализу сексуальности. Исследователи, придерживающиеся этого подхода, исходят из того, что сексуальное поведение индивидов и групп регулируется сценариями, т. е. социальными предписаниями, которые диктуют нам, что считать сексуальным, а что — нет, что значит быть или не быть сексуальным. Общество позитивно санкционирует поведение, отвечающее требованиям сценариев. Сценарии содержат сексуальные правила, ценности, поведенческие паттерны в соответствии с образцами, принятыми в обществе, субкультурах, этнических и социально-экономических группах³. В процессе социализации сценарии интернализируются. Дж. Ганьон выделяет три типа сценариев: интрапсихические, интерперсональные и культурные (Gagnon 1990). Предписания одного уровня транслируются на другой, определяют и корректируют поведение в конкретном контексте.

Культурные и интерперсональные сценарии, определяющие сексуальные установки и специфику взаимодействия по поводу сексуальности, влияют и на форму, и на содержание интервью, посвященного интимной жизни.

Культурные сценарии — как «инструкции на уровне коллективной жизни» — не только представлены в форме письменных текстов, но и «воплощены в организации социальных институтов и в практиках повседневной жизни в этих институтах» (Gagnon 1990). Школа, семья, церковь, армия, предприятия, университеты, медицина, законодательство, уголовное право — все это организации, которые создают системы «инструкций» относительно сексуальности. То, что происходит во время конкретного сексуального контакта «...зависит от существования сценария, который определяет, что должно быть сделано тем или иным челове-

³ Д. Силвермен, описывая в своем учебнике по качественным методам аппарат, предложенный Х. Саксом для анализа «процесса описания повседневности», выделяет четыре взаимосвязанных элемента дискурса: категории, совокупности категорий, консистентность категорий и предикаты категорий.

ком в тех или иных условиях, в то или иное время, какие чувства и мотивы наиболее подходят для данного события» (Gagnon 1990).

Интерперсональные — межличностные — сценарии, в отличие от культурных, содержат импровизационный потенциал, который реализуется индивидами в ситуации взаимодействия. Интеркорпорированные предписания культурных сценариев приводятся в действие в конкретных ситуациях на интерперсональном уровне. Интерперсональные сценарии учат, как «сексуально взаимодействовать» с конкретным человеком в конкретном ситуативном контексте: как интерпретировать его поведение, как строить свои действия, ориентируясь на его поведение, как интерпретировать его ответные реакции и выстраивать свои последующие шаги. Сценарии определяют не только собственно сексуальное взаимодействие, но и поведение, правила, нормы «сексуального» за его пределами. Интервью о сексуальной биографии является одной из ситуаций взаимодействия по поводу сексуальности, в которой «правила говорения» зависят от культурных и интерперсональных сценариев.

Коммуникативные проблемы как следствие табу на вербализацию сексуальности

«Когда мы говорим с кем-нибудь о мире, то подразумеваем личность конкретного человека, предполагаем, что этот человек может знать, и определяем, где этот человек находится по отношению к нам в том мире, который мы с ним обсуждаем» (Baker 1982: 109, Quot.: Silverman 1993: 90). Это означает, что в ходе интервью, которое представляет собой специфическую форму разговора, информант типизирует ситуацию и собеседника, основываясь на своем обыденном знании и понимании культурного контекста. Исходя из типизации ситуации интервью и темы разговора (здесь — сексуальности), информант начинает вести себя соответствующим образом. Специфика ситуации интервью, его темы и характеристики его участников определяют процесс коммуникации между интервьюером и информантом.

Попытки собеседников уйти от прямого ответа, заменив его намеком, уйти от называния, обратившись к эвфемизму, вызваны *особенностями темы* интервью и ее *вербализации*. С одной стороны, информант не готов обсуждать собственную сексуальность (в особенности, некоторые ее аспекты) в публичном пространстве, к которому принадлежит ситуация интервью; с другой стороны,

отсутствует лексика, которую информант считает подходящей для обсуждения темы сексуальности в данном контексте. Для прояснения причин возникающих коммуникативных трудностей обратимся к особенностям советской сексуальной социализации, которую я рассматриваю, используя сценарный подход.

Вербально невыразимая сексуальность как культурный сценарий

В ситуации диалогового интервью происходит актуализация правил, регулирующих взаимодействия как в публичном, так и в приватном пространстве. С одной стороны, интервью — это публичный разговор, который ведется с целью сбора искомой информации. С другой стороны, это — «доверительная» беседа, воссоздающая атмосферу приватности. Вследствие такого двойного характера для осмысления коммуникации в ходе интервью значимыми становятся особенности сценариев вербализации сексуальности как в публичном, так и в приватном пространстве.

Обратимся сначала к стереотипам, связанным с вербализацией сексуальности в ситуации публичного разговора. Все исследователи сексуальности в России и СССР подчеркивают, что в советский период (за исключением 20-х годов) эта тема была жестко табуирована: «пренебрежение ... социокультурными аспектами сексуальности обусловлено ... главным образом, жесткими запретами, которые налагались институтами власти на эту сферу» (Голод 1996: 6). Отмечая отсутствие «языка» для публичного обсуждения сексуальности, характерное для советской культуры, И. Кон связывает это с тем, что «сексуальность всегда казалась официальному обществу подозрительной и опасной» (Кон 1997: 313), а само слово «секс» было «ругательным» (Кон 1997: 391). Власть стремилась скрыть любые проявления сексуальности советского человека, редуцируя сексуальность к репродуктивной функции путем перевода темы сексуальных отношений в область медицинского дискурса (Кон 1997: 179)⁴.

⁴ Эта тенденция представляется мне амбивалентной. С одной стороны, новый медицинский дискурс стал в 60-е годы единственным пространством вербализации сексуальности, что, с точки зрения И. Кона, является достижением по сравнению со сталинскими временами репрессии сексуальности. С другой стороны, с позиции М. Фуко, связывающего дискурс с властью, выведение сексуальности в дискурс означает ее подчинение власти путем незаметного и тоталь-

Другой стороной процесса табуирования сферы сексуальности было почти полное отсутствие адекватного языка, который позволял бы вербализовывать переживания даже в частных разговорах с партнером (Герасимова 1997). Такая ситуация «невыразимости сексуального» позволяет исследователям сравнивать советский дискурс о сексуальности с дискурсом викторианской эпохи: в обоих случаях речь может идти об отсутствии сексуальности как «дискурсивного факта» (Герасимова 1997: 106). Кон отмечает, что «бестелесность и бессловесность, когда речь заходила о телесных проявлениях», были характерны для массового обыденного сознания (Кон 1997: 143). Советские люди были вынуждены, как правило, прибегать к стыдливым эвфемизмам: «все хотели что-нибудь узнать о сексе, но не смели называть вещи своими именами» (Кон 1997: 198). Умолчание в сексуальных отношениях было нормой: обсуждение, вербализация сексуальных желаний, ощущений, переживаний не считались неотъемлемой частью сексуальных отношений. Применительно к советскому времени следует говорить скорее о «половом акте» в стиле «пришел, увидел, победил», нежели о «сексуальных отношениях» (Герасимова 1997: 106).

Итак, проблема вербализации сексуальности в СССР может быть охарактеризована следующим образом: а) в публичной сфере — замалчивание человеческой сексуальности либо перевод темы сексуальных отношений в область маргинальных дискурсов⁵; б) в частной сфере — отсутствие языка, позволяющего вербализовывать сексуальные чувства. Культурный контекст «безязыкой», «невыразимой», «немой» сексуальности определил

ного проникновения контроля в сферу сексуального. При помощи выведения сексуальности в дискурс, превращения ее в сексуальный факт, полагает М. Фуко, власть, «скользя вдоль дискурсов», добирается до «самых тонких и самых индивидуальных желаний», «проникает и контролирует повседневное удовольствие» (Фуко 1996а: 109). Сам И. Кон также отмечает, что стремление к контролю над сексуальностью в медицинском дискурсе достаточно очевидно: «создание сексопатологии было попыткой поставить сексуальность под врачебный контроль» (Кон 1997: 184). Можно сказать, что на смену репрессии секса приходит его «проблематизация», которая, очевидно, не является освобождением, но лишь более тонкой, изощренной и незаметной формой отправления власти и осуществления контроля (Фуко 1996в: 280). Это особенно важно в связи с тем, что медицинский дискурс, возникший в СССР в 1960—1970-е годы, был тесно связан с педагогикой (Кон 1997: 184).

⁵ При отсутствии публичного дискурса о сексуальности в разных сферах существовали иерархично расположенные дискурсы: официально-бестелесный, медицински-телесный, грубо-матерный, частно-эвфемистический и др.

трудности, возникающие у многих информантов при необходимости вербализовать интимный опыт в процессе интервью.

«Я — не ханжа, но ...»: трудности вербализации как сценарий межличностного взаимодействия

Исследование текстов интервью позволяет выделить несколько причин, объясняющих трудности вербализации сексуальности. Первая причина — это отсутствие опыта обсуждения подобных тем и сложности поиска соответствующей терминологии. Эти трудности характерны, в первую очередь, для людей пожилого возраста, социализировавшихся в советское время. Вторая причина, по которой информанты затрудняются рассказывать о своей интимной жизни, связана с их представлениями об уместности обсуждения, о том, что, с кем и в какой ситуации (не) следует обсуждать:

*«Я считаю, что это очень **интимное** дело, так. Стоит ли о нем говорить, я не уверен. Потому что у каждого человека есть свое что-то, какой-то взгляд на эти вещи. Это отнюдь не значит, что я, ну как сказать, **ханжа** или что, нет, нет. Но **говорить об этих вещах конечно очень сложно**» (66 лет, № С-2)⁶.*

Признание в том, что говорить на эту тему «очень сложно», может указывать на психологический дискомфорт, испытываемый информантом потому, что он не расположен обсуждать публично (а именно публичным представляется ему интервью с малознакомым человеком) темы, которые он считает сугубо личными.

Приведенная цитата позволяет реконструировать понимание информантом макрокультурного фона. В частности, превентивная самозащита от обвинения в ханжестве указывает на то, что рассказчик осознает современный культурный ландшафт как контекст артикулированной сексуальности. Этот культурный контекст содержит определенные предписания, согласно которым нежелание говорить о сексуальности может быть воспринято как проявление ханжества. Таким образом, культурный контекст разговоров о сексуальности включает определенные *моральные суждения (ханжа)*, и информант предполагает, что интервьюер может эти суждения разделять. Сексуальность определяется информантом как «интимное дело», о котором «трудно» (или «не следует») го-

⁶ В скобках указывается возраст информанта и номер интервью (буквы С, В и А соответственно обозначают старшую, среднюю и младшую возрастные группы).

ворить не из-за личных качеств говорящего (он — не ханжа), но из-за специфики самого предмета.

Анализ интервью позволяет выделить: а) несколько технических приемов, которые позволяют информантам избегать в разговоре с интервьюером прямого названия объектов и отношений; б) несколько тем из сферы сексуального, которые представляют особую сложность для вербализации.

ПРИЕМЫ ИЗБЕГАНИЯ

Прием первый: намеки

Информанты прибегают к намекам, отсылкам к тому, что, по их мнению, должно быть понятно собеседнику:

О: Вот, тут вот накладочка получилась. Когда мы уже стали... тут она виновата сама была кое в чем, так я подозреваю. Когда я это понял, я...

В: А что вы имеете в виду?

О: Вот то, что Вы имеете в виду.

В: Что кто-то был еще, Вы подозреваете?

О: Да, да. Может быть, я был виноват...» (66 лет, № С-2).

(Разговор идет о параллельных сексуальных отношениях).

По форме ответа ясно, что трудности для информанта представляет артикуляция проблемы адюльтера. Эта трудность двойная: рассказчик, очевидно, не обсуждал тему супружеской неверности и с женой: *«так я подозревал»*. Во время интервью он прибегает к намекам, избегая прямого названия вещей «своими именами» и предполагая, что собеседник его понимает: *«В: А что вы имеете в виду? О: Вот то, что Вы имеете в виду»*.

Прием второй: эвфемизмы

Информанты используют эвфемизмы, описывая трудно вербализируемые аспекты интимной жизни:

«О: ...Ну, как предохранялись... Как обычно — не всегда заканчиваешь там, где хочешь.

В: Ну, т. е. то, что называется прерыванием?

О: Хотите, так считайте...» (66 лет, № С-2).

Такой дискурсивный прием встречается не только у респондентов старшей возрастной группы, но и у молодых, в целом довольно раскрепощенно обсуждающих свой сексуальный опыт:

«Ну, вот, в строяке, там, мне понравилась одна девчонка, внешне — скорее, психологически у нас, там, такого не было, но я ей

тоже, можно сказать. *И мы весь этот строк, эти полтора месяца, мы, так сказать, **активно отдыхали***» (25 лет, № А-2).

По данным И. Кона, использование эвфемизмов при обсуждении сексуальности было широко распространенной вербальной практикой в советское время (Кон 1997: 198). Как показывают материалы интервью, эта практика сохраняет свое значение и в настоящее время в тех случаях, когда частная жизнь становится предметом публичного обсуждения.

Прием третий: местоимения и междометия

Один из приемов состоит в активной замене существительных, глаголов и даже целых речевых оборотов другими частями речи. Это, как правило, *местоимения*, особенно *указательные*, которые подразумевают вещь или действие, не называя их:

О: Да, много повидал, но я, как Вам сказать, я... не занимался этим, короче говоря, понимаете?

В: Ну а если, вот, возвращаясь к теме контрацепции, как-то, вот, для Вас...

*О: Вы знаете, никогда, никогда в жизни я **этим** не занимался. Не знаю, почему.*

В: То есть не предохранялись?

*О: Нет, я почему-то всегда был уверен, что **ничего не будет**. И, надо сказать, что я ни от одной дамы не слышал **этого**» (66 лет, № С-2)⁷.*

Кроме местоимений в роли таких «спасительных» частей речи могут выступать вводные слова и предложения, а также междометия:

*«Да, **так**, ты же понимаешь, одна хочет, другая не хочет. Поэтому, **как-то это все...** Ну, разнообразие **надо же как-то, невозможно же...** я так понимаю, может, я не прав, конечно, но, по большому счету, надо, ну, как... **Вот**» (около 50, № В-4).*

Прием четвертый: использование языка интервьюера

Нередко для того чтобы преодолеть трудности вербализации сексуального опыта, информант начинает использовать термины, предложенные ему интервьюером. Например, как видно из при-

⁷ В разделе, посвященном темам, которые информанты особенно избегают обсуждать, пойдет речь о том, что именно скрывается за многочисленными указательными местоимениями.

веденной выше цитаты («Прием третий...», интервью с № С-2), слово «предохраняться» предложено именно интервьюером. Этот термин сначала не использовался информантом, заменявшим его указательными местоимениями. Затем, через несколько предложений, информант начинает употреблять слово «предохранение», сопровождая его использование оговоркой:

В: И с ними Вы этот вопрос никогда просто не обсуждали?

О: Нет, не обсуждали.

В: И никогда даже не ставили?

*О: Нет, вопрос не ставили. Я органически не... Ну, первое время, с женой, с первой женой мы еще как-то **предохранялись**, будем так, если как-то говорить на эту тему. А с партнершами — **никогда, не знаю, почему**» (66 лет, № С-2).*

Из данного фрагмента видно, насколько сложно идет обсуждение вопросов контрацепции в ходе интервью: информант отвечает на вопросы под давлением интервьюера, используя предложенную им терминологию: «предохраняться», «партнерши».

Ответ информанта содержит еще одно пояснение, анализ которого может оказаться весьма любопытным. В контактах с «партнершами» (случайными сексуальными партнерами) информант никогда не использовал контрацептивы: «никогда, не знаю, почему». Возможно, в его нерефлексируемом представлении «случайный половой контакт» не предполагает «использования контрацептивов», т. е. эти две категории не связаны друг с другом. Именно поэтому он не отдавал себе отчета в том, почему он не использует контрацептивы при случайных связях. Представленная связь категорий и предикатов описывает характерные для советского времени сексуальные практики — (не) использование контрацептивов при определенном типе половых контактов.

Прием пятый: отсылка к общему опыту («ну, ты понимаешь!»)

В интервью часто встречаются попытки рассказчика избежать объяснений путем апелляции к знанию и (или) опыту собеседника, в надежде встретить понимание без разъяснения. Самый распространенный способ применения этого приема — использование фраз «ну, ты понимаешь!», «ну, можешь себе представить...» и др.

Приведу две иллюстрации:

*«Вот, так дальше карусель шла, а потом как-то уже с ней не общаемся, я встретил другую даму, и так пошло, пошло. Не то что я ее люблю, я не говорю, ну, так, **ну, ты понимаешь**» (около 50, № В-4);*

«А женщины... что женщины, вон, общежитие ЛИСИ, Фонтанка, 123. Совместное общежитие, там тысяча двести человек народу. Половина — мальчики, половина — девочки. **Вы можете себе представить, что там такое!**» (40 лет, № В-5)⁸.

Перечисленные приемы использовались информантами, чтобы избежать обсуждения наиболее проблематичных для вербализации тем из сферы собственного сексуального опыта. Ниже рассмотрим темы, которых избегают информанты.

ИЗБЕГАЕМЫЕ ТЕМЫ

Анализ текстов интервью позволил выделить *темы сексуальной жизни*, которые информантам и интервьюерам было особенно трудно вербализовать. Так, приемы избегания используются рассказчиком для обозначения опыта «*контрацепции*», *нежелательной беременности*, *заражения венерическим заболеванием* (66 лет, № С-2). В других интервью темами, которые представляют определенную сложность для обсуждения, являются *адюльтер*, *параллельные сексуальные отношения*. Иногда сложность обсуждения вызывает тема сексуальных отношений в целом. Так, например, один из информантов вообще не употреблял слово «секс» в своем рассказе, а в конце интервью выяснилось, что это слово вызывает у него негативные коннотации⁹.

Содержание интервью зависит от особенностей взаимодействия его участников и культурного контекста этого взаимодействия. Мне представляется, что умолчания и вербальные затруднения во многом обусловлены *гендерными стереотипами* и культурными сценариями сексуальности. Избегание тем (и соответственно терминов), связанных с абортами и контрацепцией, характерно именно для мужчин. Поскольку практики (предохра-

⁸ Первоначально предполагалось, что информанты используют еще один прием для ухода от проблематичной темы — преодолевают неловкость с помощью шуток, смеха и анекдотов. Однако исследование записей интервью показало, что к шуткам и анекдотам прибегают, как правило, те, для кого обсуждение собственного сексуального опыта не представляет особой сложности. Как правило, это — молодые информанты в возрасте до 25 лет: для них юмористический стиль разговора — симптом непринужденности обсуждения сексуальности.

⁹ Несомненно, интерпретации, предлагаемые читателям в статье, также представляют собой материал для анализа. Но уже следующий, третий уровень анализа, которому, по всей вероятности, должна или может подвергнуться целиком данная статья.

нения) считаются относящимися почти сугубо к женскому опыту, то и обсуждение этих тем не характерно для мужчин и представляет для них определенные сложности¹⁰.

На то, каких тем избегают рассказчики, влияют и *поколенческие различия*. Среди информантов в возрасте до 25 лет реже встречаются попытки избежать обсуждения тех или иных аспектов своей сексуальной жизни. Как правило, молодые информанты испытывают затруднения в начальной фазе интервью, а затем достаточно легко вербализуют свой интимный опыт:

«В: А с Инной ты обсуждал сам процесс?»

О: Процесс? Да, бывало.

В: Что именно?

О: Ну, например, как бы это сказать...

В: Говори, как есть.

О: Ну, т. е. она часто брала в рот» (25 лет, № А-2).

Интервью с молодыми информантами различаются и по структуре. В отличие от интервью с представителями старших поколений, транскрипты которых в основном содержат прямые ответы на поставленные вопросы, интервью с молодежью, как правило, представляют собой почти сплошной нарратив, изредка прерываемый уточняющими вопросами интервьюера. Причинами являются, во-первых, иные сценарии вербализации сексуальности, характерные для младшего поколения, и, во-вторых, особенности сценария взаимодействия участников интервью. Обстановка интервью для молодых информантов была более комфортной, интервьюеры в данном исследовании — в основном их сверстники, а часто — близкие знакомые. Такая ситуация предполагает общий язык коммуникации, единые рамки референции, фоновое знание и разделенный опыт, создающие ощущение комфорта (нередко текст разговора в интервью между знакомыми молодыми интервьюером и информантом изобилует ремарками «смех», «смеемся», «веселимся» и т. п.). Ситуация публичного интервью превращается в ситуацию частного разговора с приятелем о сексе, и эта ситуация предполагает иной культурный и интерперсональный сценарий вербализации сексуальности.

¹⁰ Когда в разговорах с мужчинами возникает тема предохранения, они обычно говорят о контрацепции в контексте предохранения от заболеваний, передающихся половым путем, а не в контексте предохранения от беременности (Ханжин 1999).

Интервьюер: сложности вербализации сексуальности

Теперь следует обратить внимание на второго участника взаимодействия — интервьюера. Для него существует два вида трудностей, заставляющих обращаться к намекам и иносказаниям: это, во-первых, сложности нахождения подходящего языка, который был бы понятен собеседнику; во-вторых, сложности этического характера.

Рассмотрим сложности поиска «общего языка». Анализ текстов показал, что интервьюер нередко оказывается в ситуации «заминки», прибегая так же, как и информант, к различным намекам, указательным местоимениям и безличным формам. Трудности интервьюера связаны с проблемами взаимопонимания собеседников в ходе интервью, с тем, что является проблематичным для интервьюера.

В ситуации интервью исследователь играет ведущую роль, он выбирает темы и формулирует вопросы, он выбирает и язык разговора, диагностируя сексуальный словарь информанта. Когда представление о языке информанта сложилось, интервьюер начинает его использовать для дальнейшего разговора¹¹.

Приведем пример:

В: У вас был какой-то, там, петтинговый опыт?

О: Нет.

В: Нет?

О: С женщинами — нет, с мужчинами — был» (26 лет, № А-1).

Далеко не все люди знают, что означает слово «петтинг». Однако в данном случае интервьюер предполагал, что значение слова «петтинг» известно информанту, и действительно, информант его понял. Предположение интервьюера могло основываться на том, что собеседники имеют в данном вопросе совпадающее фоновое знание и (или) разделенный опыт.

¹¹ Такой выбор часто делается неосознанно, интуитивно. Интуитивность здесь означает своеобразную «экономия рефлексии» или «экономия усилий», которую П. Бергер и Т. Лукман (1995: 91) называют «хабитуализацией». Хабитуализация освобождает индивида от необходимости выбора из огромного числа вариантов, ограничивая этот выбор небольшим числом: «Благодаря хабитуализации становится необязательно определять каждую ситуацию заново, шаг за шагом». В фоновом знании интервьюера содержится представление о целом ряде «языков», на которых возможно говорить о сексуальности (вместе с тем, число таких «языков», находящихся в наличном запасе знаний интервьюера, ограничено). Вероятно, выбор подходящего для данной ситуации языка интервьюер осуществляет на основании своего запаса знаний и системы значений, в рамках которых интерпретируется ситуация взаимодействия.

Совершая разговорные ходы, информант, в свою очередь, помогает интервьюеру определить, как следует себя вести, как формулировать вопросы, какие слова и понятия употреблять. Используемые слова маркируют дискурс. Собеседник быстро улавливает, в каком дискурсе происходит разговор. Если информант владеет дискурсом, который использует интервьюер, он, возможно, станет применять в разговоре стандарты и конструкции данного дискурса. Однако может оказаться, что личный опыт информанта не выражается данным языком, данная «языковая игра» ему не доступна (Витгенштейн 1994: 83). Чтобы узнать как можно больше о личном опыте информанта, интервьюеру следует понять, какова «языковая игра», т. е. мир опыта, информанта. Это удастся сделать, спровоцировав информанта на длинный нарративный рассказ, «обнаруживающий» его язык и опыт¹².

Второй вид трудностей разговора для интервьюера имеет *этический* характер. Этические вопросы (т. е. все, что касается норм поведения, морали определенной общественной группы) являются неотъемлемой частью сферы сексуальности и, таким образом, должны становиться предметом социологического исследования, объектом которого является сфера сексуальных отношений. С другой стороны, этические правила — неотъемлемая часть общей культуры взаимодействия людей в каждом обществе. Сложность состоит в том, что строгое соблюдение этики делает невозможным (или, по меньшей мере, затрудненным) ее исследование. Это касается и интервью по сексуальности: интервьюер должен соблюдать определенные этические нормы в ходе общения с информантом, чтобы интервью вообще состоялось, чтобы собеседник согласился общаться. Более того, соблюдение профессиональной этики требует конгруэнтности между этическими установками интервьюера и информанта¹³. Интервьюер должен соблюдать тре-

¹² Так, иногда этого не удастся сделать в течение всего интервью. В интервью № С-2 не попала последняя часть разговора, когда респондент, изрядно выпив, перешел наконец на «свой», обыденный, язык. Это было связано и с тем, что интервьюер выключил диктофон. Тогда зазвучали слова «трахаться» и т. п., пошли живые яркие примеры и описания.

¹³ В методологической литературе подчеркивается, что интервью — это взаимодействие двух людей, которые оказывают друг на друга взаимовлияние. Традиционно подчеркивается роль этических и моральных норм при использовании метода интервью: «вопрос в интервью — это моральное предприятие» (Kvale 1996: 109). «Ethical issues» обычно составляют целую главу в методологических работах по интервьюированию.

бования, предъявляемые к нему обществом в целом как к человеку и члену данного общества (общественная мораль), и требования профессиональной группы к нему как к социологу (профессиональная этика). Эти требования касаются в особенности «деликатных» (табуированных) исследовательских тем, к числу которых относится сексуальность (Kvale 1996: 110).

Я не случайно объединил требования общественной морали и профессиональной этики. Требования профессионального этоса также тесно связаны с культурными стереотипами, в особенности — в отношении наиболее проблематичных тем: «Науки, изучающие сексуальность, являются сами по себе исторически культурными продуктами... а используемые учеными парадигмы суть культурные феномены, а отнюдь не привилегированные инструменты, которые позволяют объективно изучать мир» (Gagnon 1990: 4). Специфика изучения сексуальности состоит в том, что в публичном дискурсе эпохи модерна (советский публичный дискурс не является исключением) сфера сексуальности связана с достаточно жесткими моральными ограничениями. Сексуальность является пространством реализации властных отношений и контроля над индивидом как посредством общественной морали, так и с помощью науки. Если тема сексуальности является проблематичной для многих представителей постсоветского общества (в том, что касается вербализации сексуальности вообще либо ее определенных сюжетов), то она неизбежно становится проблематичной и для интервьюера, социально и культурно «укорененного» в этом обществе.

Рассмотрим теперь особенности взаимодействия, связанные с тем, что молчаливо подразумевается, а иногда и не осознается интервьюером и информантом, но позволяет им успешно взаимодействовать. «Укорененность» интервьюера и информанта в общем для них культурном и социально-историческом контексте станет лейтмотивом второй части работы.

«Само собой разумеющееся» как условие успешной коммуникации

Существование этических норм в сфере вербализации сексуальности и необходимость для обоих участников интервью ориентироваться на эти нормы не всегда приводит к коммуникативным проблемам. Напротив, большинство интервью проходят успешно, они не воспринимаются собеседниками как постоянное

«преодоление преград», создаваемых культурными и социальными нормами. Коммуникация осуществляется в определенных культурно обусловленных дискурсивных рамках, не выходя за их пределы и лишь изредка «задевая» их границы.

Соблюдение правил, принятых в данной культуре и научном сообществе, становится гарантией успешной коммуникации с информантом. Интервьюер неизбежно должен обращаться к культурному контексту, *объединяющему* собеседников, этнометодологические эксперименты, т. е. выяснение того, «что имеется в виду», разрушат коммуникацию и интервью попросту не состоится.

Между тем исследователю сексуальности необходимо осознавать правила и табу, действующие в области вербализации сексуальности. Экспликация непроблематизируемых правил становится возможной благодаря анализу интервью о сексуальности.

В ходе анализа я использовал понятие Аарона Сикуреля «ошибка интервьюера» (*interviewer error*), под которой понимаются действия, совершаемые исследователем при «неправильном интервьюировании», т. е. таком, которое не позволяет интервьюеру «обнаружить особенности *повседневного* (курсив мой. — О. П.) взаимодействия между членами общества» (Cicourel 1964: 68, Quot.: Silverman, 1985: 166). Парадокс заключается в том, что, рассматриваемые как «ошибки интервьюера» с профессиональной точки зрения эти действия являются нормальными и неотъемлемыми частями обычной коммуникации. Будучи условиями коммуникации, такие «ошибки» при должном анализе позволяют обнаружить «повседневные свойства взаимодействия». А. Сикурел считает, что именно «ошибки» интервьюера представляют интерес для исследователя-этнометодолога. Он полагает, что «ошибки» «не являются препятствиями для социального исследования, но скорее наглядно демонстрируют базовые особенности социального взаимодействия» (Silverman 1985: 166). Мы должны научиться «представлять ошибки как доказательство не только малой достоверности, но и “нормальных” межличностных отношений» (Cicourel 1964: 74, Quot.: Silverman 1985: 166).

Оба собеседника используют в разговоре рамки референции, позволяющие обеспечивать взаимопонимание, каждый из участников интервью ориентирован на некоторый набор сценариев сексуальности. Надо принимать во внимание, что исследователь сексуальности всегда принадлежит не только к конкретному научному сообществу, но и к более широкой культуре. Поведение не только информанта, но и исследователя ориентировано соответствующи-

ми культурными сценариями сексуальности: «...все социальное поведение предписано (scripted), включая взаимодействие между исследователями и субъектами в сексуальных исследованиях ... и авторов, пишущих о сексуальности» (Gagnon 1990: 35).

Вследствие этого исследователю необходимо анализировать не только содержание ответов, но также содержание вопросов и сам процесс коммуникации. Необходимо понять: как становится возможным разговор двух людей на тему сексуальной биографии одного из них; кто, как и о чем говорит, молчит, намекает; что при этом подразумевает каждый из участников разговора? В своем анализе я обращал внимание на следующие речевые ходы в диалогах: как вопрос сформулирован интервьюером, как понят вопрос информантом, что переспрашивается, а что не нуждается в дополнительном объяснении?

Используя категориальный аппарат предложенной Х. Саксом и адаптированной Д. Силверменом методики «анализ категоризации», а также методологические разработки других социолингвистов, я анализирую выбранные фрагменты с тем, чтобы эксплицитировать «само собой разумеющееся» в разговоре между интервьюером и информантом.

Пример 1. «Могучий любовник»

(состоит из двух частей — А и Б)

А:

- 1 В: А в этих казармах военных обсуждалось это все? Во-первых,
- 2 наверно, у каждого была если не любимая девушка, то легенда
- 3 про любимую девушку...
- 4 О: А как же? А как же без этого, милочка, как же без этого. Делились,
- 5 рассказывали. Даже делились походами в самоволку, например.
- 6 В: А в основном что обсуждалось там, в каком плане были эти
- 7 рассказы? **Сколько раз я могу и какой я успешный, могучий**
- 8 **любовник?**
- 9 О: А как же, конечно, в этом вопросе, безусловно.
- 10 В: **Сексуальные победы?**
- 11 О: Безусловно, это обязательно обсуждалось. Потом с этого
- 12 строились легенды и анекдоты, и прочее (смеется). А потом
- 13 надсмехались старшие над младшими... (неразборчиво).

Б:

- 1 В: А что могло стать предметом для насмешек?
- 2 О: Этот приходит и говорит: **«Я сегодня 16»**. А старший и говорит:
- 3 **«Говори-говори, да не заговаривайся!»**

4 В: А какого возраста были люди? Был, действительно, большой
5 сексуальный опыт или большие вралы?» (55 лет, № С-5).

В первом фрагменте (часть «А») данной цитаты «ошибочно» сформулированный вопрос интервьюера содержит возможный вариант ответа, т. е. представление об армейском сексуальном опыте в глазах интервьюера — женщины, не служившей в армии (строки 1–3, 6–8). Вопрос-подсказка может представлять личную точку зрения интервьюера или некое распространенное мнение. В любом случае интерпретатор текста может из подобного стимулирующего вопроса получить дополнительное знание о представлениях, существующих в обществе по поводу армейского дискурса о сексуальности. Возникают категории, которые, по мнению интервьюера, являются самыми значимыми в ситуации обсуждения личного сексуального опыта солдатами в казармах. Такими базовыми категориями являются «сексуальные победы» и «успешный любовник» (строки 7, 10). Понятие «успешный любовник» интервьюер представляет в вопросе через качественную категорию «могучий» и количественную — «сколько раз я могу». Во фрагменте «Б» категория количества подтверждается информантом.

Во втором фрагменте (часть «Б») интересна ситуация, когда интервьюер понимает, что именно имеет в виду информант, и принимает использованный им языковой код как нечто само собой разумеющееся: из последовавшего вопроса интервьюера видно, что она однозначно поняла фразу «Я сегодня 16!» и связала ее с «большим сексуальным опытом» (строки 12–15).

Диалог показывает, что в культуре, к которой принадлежат информант и интервьюер, распространено убеждение о том, что сексуальный контакт с как можно большим количеством женщин и (или) наибольшее возможное число оргазмов в течение одного полового акта является предметом гордости мужчины. Также становится ясно, что существуют определенные представления о разумных границах мужской сексуальной потенции и активности: утверждение мужчины о том, что он сумел 16 раз достичь оргазма в течение одного дня («сегодня») или в течение одного сексуального акта, представляется другим мужчинам неправдоподобным (Б. строки 2–3).

Анализ данного фрагмента позволяет сделать выводы о представлениях интервьюера-женщины об «армейском» дискурсе о сексуальности; о важности определенных количественных и качественных категорий для подтверждения сексуальной опытнос-

ти и мужественности; о разумных границах мужской сексуальной активности в представлении мужчин.

Пример 2. «Ну, были, там, в командировках где-то, что-то, значит, так...»

- 1 О: ...Ну, бывает, как-то, что где-то загулял, там, где-то, что-то.
- 2 Я вполне не отрицаю и того, что и женщина может где-то, там,
- 3 но случайно, не постоянно. Нет, пожалуйста, это, я не отрицаю
- 4 этого. Это может быть, но когда уже начинается длительно,
- 5 это уже некрасиво, это уже неинтеллигентно.
- 6 В: Вы сами так не делали?
- 7 О: Нет, никогда. Ну, были, там, в командировках (смеется), где-то,
- 8 что-то значит, так... Это я не воспринимаю, как... (66 лет, № С-2).

Анализ этого фрагмента затруднен тем, что основные категории, к которым апеллирует информант, скрыты за указательными местоимениями, и сам интервьюер в уточняющем вопросе использует вслед за информантом местоимение «так» (строка 6). Важными для анализа предикатами категорий являются: длительность («случайно, не постоянно» в сравнении с «длительно») и характеристика контекста опыта — «командировка» (строка 7). Командировка, случайность, непостоянность противопоставляются длительности при помощи оценочных (моральных) категорий: вступать в постоянные параллельные отношения «некрасиво», «неинтеллигентно» (строки 4–5), однако командировка является исключением: «это я не воспринимаю, как...». Понятие «супружеской измены» или «параллельных сексуальных отношений», являющееся базовой категорией, обсуждаемой в данном фрагменте, тщательно завуалировано множеством местоимений. Однако интервьюер безошибочно расшифровывает скрытые значения. Для него очевидно, что командировка — это как раз та ситуация, в которой мужчина обычно вступает в параллельные отношения. Очевидность, привычность командировки как контекста такого сексуального опыта составляет общий культурный код, поэтому подразумевается информантом и без разъяснений понимается интервьюером.

Очевиден и другой культурный код, который известен обоим собеседникам и к которому апеллирует информант, делая неявную отсылку к традиционному двойному стандарту в отношении супружеской измены: «Я вполне не отрицаю и того, что и женщина может где-то, там...» (строки 1–2). Культурный код касается по-

нения «супружеская измена», которая чаще прощается мужчинам и считается для них более допустимой, чем для женщин. Пояснение информанта о его отношении к женской измене показывает, что в ситуации «измены» для него важен не столько гендерный аспект, сколько характеристики продолжительности («непостоянно»), интенциональности («случайно» — не намеренно) и контекст («командировка») (строки 3, 7).

Итак, моральные оценки супружеской измены определяются, во-первых, гендерными стереотипами двойного стандарта; во-вторых, продолжительностью отношений и породившим их контекстом (длительные параллельные отношения в сравнении с командировкой).

Пример 3. «Советские презервативы»

- 1 О: Я никогда не пользовался презервативами — не получалось. Редко.
- 2 В: Не получалось или сознательно?
- 3 О: **Не получалось. Не шло у нас.**
- 4 В: Ну, а презервативы, небось, советские были?
- 5 О: Других у нас не было.
- 6 В: **Ну, тогда не удивительно** (горько усмехаюсь) (66 лет, № С-2).

В данном отрывке интервьюер и информант апеллируют к общему для них знанию и (или) опыту, касающемуся использования советских презервативов. Интервьюер не стал переспрашивать информанта, что именно у него «не шло?», «почему не шло?» (строка 3), поскольку знает, что именно может «не пойти», когда пользуешься советским презервативом (строка 6). Трудности при использовании презервативов однозначно интерпретируются интервьюером в связи с известными ему особенностями «советских» контрацептивных средств (строка 4). Можно предположить (это предположение основывается уже на моем собственном знании культурного контекста), что интервьюер имеет в виду плохое качество «советских» презервативов. «Советский» презерватив выступает в качестве культурного кода, однозначно расшифровываемого собеседниками.

Пример 4. «Вот тут вот накладочка получилась»

- 1 О: Да, ну, вот я развелся с москвичкой, будем так говорить,
- 2 появилась другая женщина.
- 3 В: Но так всегда было, что Вы сначала рвали отношения, потом

- 4 появлялись... или..?
- 5 О: Вот тут, вот, **накладочка получилась**. Когда мы уже стали...
- 6 тут она **виновата** сама была кое в чем, так я подозреваю. Когда
- 7 я это понял, я...
- 8 В: А что вы имеете в виду?
- 8 О: **Вот то, что Вы имеете в виду.**
- 9 В: Что кто-то был еще, Вы подозреваете?
- 10 О: Да, да. Может быть, я был **виноват**... **Я ушел от этой женщины**
(66 лет, № С-2).

Каким образом интервьюеру удастся понять, о чем говорит информант? Информант описывает ситуацию при помощи выражения «**накладочка получилась**» (строка 5). Для того чтобы понять смысл высказывания, интервьюер должен был, основываясь на здравом смысле и знании повседневности, провести анализ категоризации взаимодействия, которой пользуется информант. Для последнего ключевой категорией является «**вина**» (строки 6, 10). С помощью предиката виновности описывается более широкая родовая категория взаимодействий — «**супружеские отношения**» (информант *развелся* — строка 1). Интервьюер связывает категорию *вины* с другой категорией, относящейся к тому же роду взаимодействий, — *адюльтером*, совершаемым женщиной по отношению к нему. Развязка ситуации — «**уход**» мужчины (строка 10) — служит подтверждением догадки интервьюера: здравый смысл и знание общекультурного контекста подсказали ему, что категория «**уход мужа от жены**» (как аспект более широкой родовой категории «**супружеских взаимоотношений**») в данном контексте связана семантически с категорией «**супружеской измены**», совершенной женой.

Пример 5. «У женщины нет полового члена»

- 1 В: Ну, вот, такая разница есть какая-то в контактах, вот, с
- 2 мужчинами и с женщинами — ну, в ощущениях, там? Ну, если это
- 3 трудно, я понимаю, в словах как-то выразить, но все-таки...
- 4 О: Ну, **разница техническая** (ха) есть.
- 5 В: Ну, можно и с женщиной **анальный секс** как бы...
- 6 О: У женщины нет **полового члена** (ха, ха, ха), она не может
- 7 **эякулировать** (ха, ха, ха)!
- 8 В: Да, об этом я не подумал!
- 9 О: Да, как-то вы промахнулись (ха)! Вот, дело не в анальном сексе.
- 10 Я, кстати, на самом деле, как бы, в контакте с мужчиной **анальный**
- 11 **секс** — **не главное для меня** (26 лет, № А-1).

Для интервьюера, вероятно, не имевшего опыта гомосексуальных контактов, категория «сексуальных отношений между мужчинами» связана, в первую очередь, с таким предикатом, как *анальный секс* (строка 5). В интерпретации собственного гомосексуального опыта информанта эти категории хотя и связаны, но иным образом. Более важным оказывается наличие у сексуального партнера полового члена и его физиологической способности к эякуляции (строки 6–7). Несмотря на принадлежность к общей культуре и владение общими культурными кодами, «субкультурный» опыт собеседников различается: «Люди учатся тому, что значит быть сексуальным в специфических культурах, а также в специфических социальных группах внутри любой культуры» (Gagnon 1990: 4). В зависимости от принадлежности к разным социокультурным группам, индивид ориентирован на различные сценарии сексуальности. Этим обусловлены сходства и различия сексуального опыта информанта и интервьюера.

Культурные коды, разделяемые собеседниками, могут быть не связанными с разделяемым опытом. Анализ данного фрагмента показывает, как возникает непонимание: *интерпретация* гомосексуальных отношений оказывается затрудненной при отсутствии *разделенного опыта*. Возникшее в данной ситуации непонимание может свидетельствовать о том, что внутри *общей культуры*, к которой принадлежат интервьюер и информант, существуют различные представления о гомосексуальных отношениях. Представления об этой сфере сексуальных взаимоотношений у людей, разделяющих гомосексуальный опыт, отличаются от представлений людей, не имеющих такого опыта.

Приведу еще один пример, который поможет понять некоторые нюансы различия между *широким культурным контекстом* и *разделенным опытом*:

Пример 6. «Кто ее обедает, тот ее и танцует»

- 1 О: Ну, вот, затащили их в гости. Коля выбрал маленькую, я —
- 2 большую. И, в общем, квартира была, выпить что, было. И когда
- 3 стали расходиться по комнатам, я эту большую потащил...
- 4 В: У меня возник вопрос: как вы их делили, вот когда вас было двое
- 5 и их двое? Сам этот процесс, как вы решили?
- 6 О: Делили? Хм, ну, тут тоже рецептов готовых нет. Тогда делил
- 7 я: кого выбрал, того и... А вообще, бывает же так, что в компании
- 8 находишься, и кто-то, там, приглянулся друг другу, и они сами по
- 9 себе сходятся. Бывает, когда не известно кто, чего, ну, тут уже

10 *тот, кто имеет уже... ну, опыта, либо, там, скажем так, «кто ее*
11 *обедает, тот ее и танцует»*, кто платит за все это, тут — много
12 вариантов. Вариант тот, что вот тот, кто всех угощает, тот
13 негласно имеет право выбора, предположим, ну, случай,
14 случается, что, там, в компании, там девочек (неразборчиво). То
15 есть дележка это дело-то такое, специфическое (40 лет, № В 5).

Этот пример отличается от предыдущего тем, что инициатором прояснения непонятого сюжета является интервьюер, а не информант. Интерпретация ситуации в целом не вызывает проблем по причине наличия сходного фонового знания об этой стороне сексуальных отношений (строки 1–3). Вопрос интервьюера связан с особенностью описываемой ситуации, которая не является элементом широкого культурного контекста и потому не может быть понята теми, кто не разделяет этот *опыт* (к числу таковых, вероятно, относится интервьюер) (строки 4–5). Интересно, что разъяснение «технических» подробностей, о которых спрашивает интервьюер, вызывает трудность у собеседника, несмотря на то, что в целом он не испытывает затруднений при обсуждении своего сексуального опыта. Трудности в данном случае связаны не с табуированием темы, а с экспликацией «самого собой разумеющегося», т. е. с вербализацией *практического знания*. Непонимание возникает потому, что «дележ» женщин в компании относится к практическому знанию респондента, но не является таковым для интервьюера. При разъяснении информант апеллирует к общему культурному контексту, используя для этого культурный код, *понятный* (по его мнению) «любому» (строки 6–15). Этот код выражен в бытовой поговорке «кто платит, тот и заказывает музыку», которую информант переформулирует в более подходящую случаю: «кто ее (девушку) *обедает, тот ее и танцует*». Включение в культурный код «экономического» элемента указывает на то, что именно экономическое неравенство лежит в основе асимметричности сексуальных отношений (на что неоднократно указывали феминистки вслед за классиками марксизма).

Подводя итоги второй части статьи, можно сделать следующие практические методологические выводы. Во-первых, вопросы интервьюера и особенности самого процесса коммуникации дают дополнительные знания об изучаемом предмете и потому они должны подвергаться не менее тщательному анализу, чем ответы информанта. Во-вторых, анализ допущенных интервьюером

«ошибок» является важным для экспликации культурного контекста повседневного знания о сексуальности. Такой анализ позволяет обогатить изучение интервью, если цель исследования — понять не только реальность интервьюируемых, но реальность, в которой мы (включая интервьюеров и интерпретаторов интервью) все живем, которую мы производим и продуктом которой являемся. Информант, интервьюер, исследователь, анализирующий текст интервью, автор, редактор и читатели статьи воспроизводят и создают дискурс и культурные сценарии сексуальности общества, к которому они принадлежат.

Сексуальность, которую мы не потеряли (вместо заключения)

Представим себе социолога как художника-реалиста, стремящегося написать картину, изображающую один из фрагментов социокультурного ландшафта, в котором проходит жизнь человека. Для того чтобы выполнить эту задачу, ученый должен изобразить участок ландшафта таким, каким он видится людям, его населяющим. Второе условие — каждый уголок описываемого мира должен выглядеть на картине органично вписанным в окружающий контекст, поскольку именно так происходит в жизни, которую исследователь описывает. Описание, удовлетворяющее этим двум правилам, Клиффорд Гирц называл «плотным» или «насыщенным» (*thick description*) (Гирц 1997).

Данная статья представляет собой попытку сделать «плотное описание» одного из фрагментов культурного ландшафта постсоветского общества — сферы «сексуальности». «Техника», в которой написан этот сюжет, основывается на теории «языковых игр» Людвига Витгенштейна и принадлежит к этнометодологической традиции «анализа разговоров» (*conversational analysis*). Мне представляется, что используемая «техника письма» позволяет отразить еще один срез непростого мира сексуальности. Анализ интервью о сексуальности — при условии внимания ко всем интеракциям и условиям успешного взаимодействия информанта и интервьюера — позволяет нам увидеть тот участок социокультурного ландшафта, который может быть назван *сексуальной культурой* советского/постсоветского общества. Такой анализ помогает понять, как становятся возможными наши взаимоотношения с другими людьми в сфере сексуального, каким образом мы сами незаметно для себя ежесекундно плетем невидимую нашему соб-

ственному глазу «паутину смыслов» (выражение М. Вебера), как создаем тонкое кружево социальных отношений вокруг сексуальности.

Проведенный анализ позволяет охарактеризовать постсоветскую сексуальность как по-прежнему табуированную тему для значительной части населения, воспитанного в советских традициях лицемерного замалчивания всего, что касалось сексуальной стороны жизни индивидов и культуры в целом. Это наследие не позволяет постсоветским людям вербализовать свой сексуальный опыт в ситуации интервью, более того, вербализация сексуальности не считается неотъемлемой частью сексуальных отношений постсоветских людей. Проведенный анализ позволил выделить наиболее проблематичные для вербализации темы, а также языковые средства, используемые информантами, чтобы избежать обсуждения проблематичных тем в интервью.

С другой стороны, нельзя не отметить поколенческих различий: «новое поколение», социализированное в постсоветский период, значительно легче и непринужденнее облакает свой сексуальный опыт в слова. Последнее наблюдение позволяет более или менее оптимистично оценивать перспективы трансформации сексуальной культуры в постсоветской России¹⁴.

¹⁴ Разумеется, подобный оптимизм обоснован, если исходить из либеральной точки зрения на необходимость «освобождения» сексуальности от репрессии. Совершенно иная интерпретация происходящего может быть дана исходя из фукианской позиции, в соответствии с которой выведение сексуальности в дискурс не только не способствует ее освобождению, но, напротив, ведет к незаметному проникновению микротехник власти в эту сферу человеческих отношений.

